

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО ТЮРКСКОГО АЛФАВИТА.

R $\frac{191}{48}$

КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ ВОСТОКА

Книга II-я.

ИЗДАНИЕ ВЦК НТА

Баку—1928.

Шор

К вопросу о сокращении алфавита.

(Критические замечания на статью проф. Н. Ф. Яковлева „Математическая формула построения алфавита“. „Культура и письменность Востока“. Кн. I-ая. М. 1928).

... „Дело предстанет в ином свете, если мы будем иметь в виду альтруизм педагогический, а именно сбережение умственной энергии множества людей и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями“

(Бодуэн-де-Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку).

В своей известной работе „Об отношении русского письма к русскому языку“¹⁾ Бодуэн-де-Куртенэ, отмечая в системе русского письма „несовпадение числа „букв“ (графем) и числа соответствующих этим буквам „звуков“ (фонем),²⁾ в качестве одной из важнейших причин этого несовпадения указывает на отсутствие в русском алфавите „для значительного большинства фонем русского языкового мышления подходящих цельных, законченных, самодовлеющих графем“³⁾.

Действительно: одной из характерных особенностей русского языка является наличие в нем „твердых“ (непалатализованных) и „мягких“ (палатализованных) вариантов всех типов согласных, за исключением фрикативных⁴⁾ „š“, „ž“, „j“ и аффрикат „tš“ и „tš“, причем варианты эти имеют характер фонем, т. е. различия их используются в системе русского языка для различения значений слов. Ср, гар — гар, тшл — тшл, хог — „хог“ и т. д. Следовательно, согласные русского языка по отношению их к явлению палатализации (т. е. участию в их образовании приближенной к твердому небу передней или средней части спинки языка) могут быть распределены на следующие группы:

1-ый ряд — не имеющие парных вариантов:

„твердые“ — „š“, „ž“, „tš“⁵⁾

„мягкие“ — { „tš“
„j“

2-ой ряд — имеющие парные варианты: ⁶⁾

„твердые“ — b, v, g, d, z, k, l, m, n, p, r, s, t, f, x

„мягкие“ — b̂, v̂, ġ, d̂, ẑ, k̂, l̂, m̂, n̂, p̂, r̂, ŝ, t̂, f̂, x̂

¹⁾ С. Петербург 1912 г. Ред. журн. „Обновление школы“.

²⁾ Цит. соч. стр. 37.

³⁾ Цит. с. стр. 66.

⁴⁾ Латинскими буквами обозначается звучание, русскими — написание.

⁵⁾ Для упрощения изложения мы не будем касаться вопроса о взаимоотношениях „g“ и „ġ“.

⁶⁾ Для упрощения изложения мы не будем касаться вопроса о долгих шипящих.

Этим фонемам в русском письме соответствуют графемы:

ш, ж, ц,

ч

б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х.

Явную недостаточность графем для передачи согласных фонем русского языка система русского письма компенсирует избытком графем для гласных фонем русского языка и наличием условных знаков. А именно: гласным фонемам:

а, о, е, и, і (ш) ¹⁾

соответствуют графемы русского письма:

1-ый р. — а, о, э, у, ы

2-ой р. — я, ё, е, ю, и

Кроме того в русском письме применяются условные знаки ь и ъ (или').

С помощью этих лишних графем системе русского письма удается передать как не имеющий соответствующей графемы звук „j“, так и „твердость“ или „мягкость“ пар согласных. А именно: буквы: я, ё, е, ю в начале слога не после согласной обозначают не отдельные звуки, а сочетания звуков: ja, jo, je, ju, — ср. ja, joika, jei, juk, (в передаче русск. графикой—„я“, „ёлка“, „ель“, „юг“). Те же буквы, а также буква „и“ после согласных: б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х — указывают на осложнение последних среднеязычной (твердонебной) артикуляцией т. е. на их „мягкость“, тогда как буквы „а“, „о“, „у“, „э“, „ы“ после тех же согласных—указывают на отсутствие в них подобного осложнения, т. е. на их „твердость“. Так, приведенные на стр. 1-ой примеры выражаются по системе русского письма написаниями „рябь“, — „раб“, „мил“—„мыл“, „хорь“—„хор“ и т. д. В конце слова ²⁾ „мягкость“ названных согласных выражается посредством написания знака „ь“, и тот же знак (а также знак „ъ“ или „’“) внутри слога после согласных обозначает произнесение графем „я, ё, е, ю“ как в начале слога—т. е. как сочетаний гласной с „j“—ср. написания „конь“, „соль“ (kop, sol) с одной стороны и „льет“, „бьет“ (ljot, bjot)—с другой.

Итак ³⁾, исходя из сопоставления русских графем с фонемами русского языка приходится распределить буквы русского алфавита на следующие 5 основных групп ⁴⁾.

¹⁾ Для упрощения изложения мы принимаем теорию Бодуэна-де-Куртенэ о единой фонеме i (i mutabile) в русском языке, как это делает и проф. Н. Ф. Яковлев в своем построении, а также не касаемся вопроса о гласных безударных слогов (ср. замечания проф. Е. Д. Поливанова „Лекции по введению в языкознание“ Б. 1923, § 62).

²⁾ Для упрощения изложения мы не будем касаться непоследовательностей русской графики в обозначениях „мягких“ согласных в конце слога.

³⁾ К дальнейшему см. Бодуэн-де-Куртенэ, ц. с. стр. 60 и т. д.

⁴⁾ Для упрощения изложения мы не будем касаться букв „Щ“ и „й“, т. к. они не имеют непосредственного отношения к затронутой нами проблеме графики.

Согласные:

1-ый ряд—ц, ж, ш, ч.

2-ой ряд—б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х

Гласные:

3-й ряд—а, о, э, у, ы.

4-ый ряд—я, ё, е, ю, и

Условные знаки:

5-ый ряд—ь (ъ или ')

Из этих рядов графем только графемы I-го ряда связываются в сознании русского грамотного человека с представлением одной согласной фонемы со всеми ее частичными артикуляционно-слуховыми элементами, не нуждаясь в сочетании со следующей графемой.

Графемы второго ряда связываются с неполными представлениями согласных фонем, т. к. они не включают представления того артикуляционно-акустического элемента, который определяется участием в работе средней части языка, приближающегося к твердому небу или отсутствием этого участия. Последний выражается лишь сочетанием этих графем или с графемами 4-го ряда или с „ь“ 5-го ряда („мягкие“ согласные) или с графемами 3-го ряда или с отсутствием всякой графемы („твердые“ согласные).

Графемы 3-го ряда связываются не только с представлением гласной фонемы, но еще включают представление отсутствия приближения средней части языка к твердому небу при образовании предшествующего гласному согласного.¹⁾

Точно также графемы 4-го ряда, помимо представления гласных фонем, включают представление о работе средней части языка, приближающейся к твердому небу при образовании предшествующего гласному согласного.

Наконец, графема „ь“ имеет только аналитический смысл, символизируя наличие вышеописанной работы языка при образовании предшествующего согласного.

Таким образом „в русском письме недостает графем для целых категорий фонем“²⁾, в нем „нет законченных самодовлеющих графем, ассоциируемых, с одной стороны, с представлением согласных несреднеязычных или „твердых“, с другой же стороны, с представлением согласных среднеязычных или „мягких“. Это и составляет основной недостаток русского алфавита в его отношении к русскому языку. Но этот недостаток устраняется благодаря излишку в области графем, ассоциируемых с представлениями фонем гласных. Таким образом, путем комбинированной ассоциации по смежности удовлетворяется потребность отражать в письменности столь важное в русском языке различие согласных „твердых“ и „мягких“.

¹⁾ Для упрощения изложения мы принимаем здесь отрицательную характеристику „твердых“ согласных Бодуэна-де-Куртенэ, не уточняя ее.

²⁾ Бод.-де-Курт. ц. с. стр. 64.

„Это взаимоотношение графем и фонем составляет главный вопрос русской графики“, по мнению Бодуэна-де-Куртенэ ¹⁾. „Центром этого вопроса является сочетание согласных с гласными“...

И заканчивая рассмотрение этого вопроса, Бодуэн-де-Куртенэ бросает мысль о возможности „выразить эти отношения математической формулой“, сопровождая ее указанием некоторых графических сочетаний, подходящих под эту формулу:

- 1) ба/ бя, са/ ся, ла/ ля ,
бу/ бю, су/ сю, лу/ лю ,
бо бэ/ бе, со сэ/ се, ло лэ/ ле ,
бы/ би, сы/ си, лы/ ли ,
- 2) а/ я, у/ ю, о э/ е, ы/ и ,
- 3) бь/ бь, сь/ сь, ль/ ль ,
- 4) жи ши чи , ци/ цы

Брошенная здесь Бодуэном-де-Куртенэ мысль о математической формуле для выражения взаимоотношения графем и фонем в системе русского письма с большим остроумием осуществлена профес. Н. Ф. Яковлевым в его статье „Математическая формула построения алфавита“. ²⁾

Исходя из наблюдений над фактами русской графики, профес. Н. Ф. Яковлев устанавливает формулу сокращения алфавита:

$$A = (C + \Gamma) - (\pm C' \mp \Gamma') + I$$

где A — общее число знаков алфавита;

C — число самостоятельных согласных звуков (фонем) в языке;

\Gamma — число самостоятельных гласных звуков (фонем) в языке;

C' — число парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными;

\Gamma' — число парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с вышеуказанными парно-различаемыми согласными;

наконец, I — один, прибавляемый к алфавиту, знак для обозначения мягкости согласных в положении не перед смежной гласной (т. е. перед согласными или в исходе слова). ³⁾

Действительно, эта формула совершенно точно выражает особенности системы русского письма, с ее перенесением различения парных согласных на графемы гласных. Но проф. Н. Ф. Яковлев не ограничивается установлением формулы для исторически сложившейся графики русского языка. Он придает этой формуле абсолютное значение, считая ее применимой во всех тех случаях, когда „в данном языке есть многочисленная группа парно-различаемых согласных фо-

¹⁾ Ц. с. стр. 66-67.

²⁾ „Культура и письменность Востока“ кн. I. М. 1928 г. стр. 41 и д.

³⁾ Ц. с. стр. 49-51.

нем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными“.

„В этом случае“, говорит проф. Н. Ф. Яковлев, „вместо того, чтобы вводить значительное количество отдельных букв для согласных можно изображать те же согласные фонемы, введя меньшее число дополнительных букв для соответствующих парных оттенков гласных, другими словами—можно звуковые особенности согласных выразить на письме через дополнительные буквы для гласных. При этом придется ввести еще один особый дополнительный знак для графического различения парных согласных, находящихся не в сочетании с гласными (напр. в концах слов, перед согласными и т. д.)“ ¹⁾

И несколько выше:

„Публикуя в настоящее время выведенную мною формулу математического построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита, я глубоко убежден, что она должна принести существенную пользу в деле создания новых и реформирования старых алфавитов тем, что впервые внесет элемент сознательного расчета в то дело, в котором до сих пор изобретатели алфавитов должны были руководствоваться: в лучшем случае—бессознательной интуицией, чутьем, или в худшем—личными вкусами—симпатиями и антипатиями“ ²⁾.

И проф. Н. Ф. Яковлев проектирует аналогичные русской системы письма для языков угро-финских (перенесение на гласные различения „твердых“ и „мягких“, парных согласных³⁾), кабардинского, (перенесение на гласные различения „подгортанных“ и „надгортанных“ согласных ⁴⁾), ниже-черкесского (перенесение на гласные различения „нелабиализованных“ и „лабиализованных“ согласных⁵⁾), абхазского (перенесение на гласные одного из трех упомянутых различений⁶⁾) наконец, „тюрко-татарских языков с полным сингармонизмом“ (замена различения „твердых“ и „мягких“ гласных введением дополнительного знака, обозначающего мягкость всего слова в целом) ⁷⁾

„Таким образом“, заключает проф. Н. Ф. Яковлев, „на основании только что приведенных примеров из самых разнообразных язы-

¹⁾ Ц. с. стр. 54.

²⁾ Ц. с. стр. 45.

³⁾ Ц. с. стр. 52.

⁴⁾ Ц. с. стр. 53-57.

⁵⁾ Ц. с. стр. 57-58.

⁶⁾ Ц. с. стр. 58-59.

⁷⁾ Ц. с. стр. 60 и д. В действительности, однако, подведение проф. Н. Ф. Яковлевым проекта г. Н. Т. Тюрякулова под свою формулу является чистой натяжкой, т. к. в названном проекте речь идет не о замене графем парных фонем одного типа условными графемами другого, а об отказе вообще от двойных начертаний для парных вариантов фонем путем введения условных знаков перед целым словом, т. е. о совершенно другом графическом принципе. В виду этого, мы не будем в дальнейшем касаться проекта г. Н. Тюрякулова, поскольку он не имеет отношения к анализируемой нами формуле.

ков, мы видим, что нам удалось действительно найти общую математическую формулу, с помощью которой вычисляется количество букв, на которое можно сократить алфавит любого языка, в силу своих фонетических особенностей (например, наличия значительных групп парно-различаемых согласных фонем при сравнительно небольшом числе гласных или наличии полного сингармонизма) допускающего такое сокращение¹⁾

Поскольку, таким образом, выдвигается не формула известного исторического алфавита, но формула общая, значимая для всякой письменности, позволительно поставить вопрос о ее реальной значимости и целесообразности.

Каковы те требования, которым должна удовлетворять подобная формула?

Во-первых, построение алфавита должно базироваться на тех различениях фонем, которые существуют действительно в языковом мышлении данного языкового коллектива.

Во-вторых, построение алфавита не должно затруднять усвоение грамоты членами данного языкового (а не иноязыкового) коллектива, оно должно прежде всего иметь своей целью „сбережение умственной энергии и облегчение усвоения грамотности народными массами и будущими поколениями“²⁾.

Итак, прежде всего: насколько реально для сознания говорящего то выделение в особые группы по известному признаку парных согласных, то противопоставление парных фонем, которое кладется проф. Н. Ф. Яковлевым в основу его наиболее экономного построения алфавитов? Дать ответ на этот вопрос может лучше всего история алфавитов.

Действительно, крайней наивностью было бы предполагать, что существовали „изобретатели алфавитов“, навязывавшие соответствующим языковым коллективам „свои личные вкусы, симпатии и антипатии“³⁾ Подобная „теория героев“ меньше всего применима к истории письменности; ибо наблюдения над возникновением и изменением алфавитов, ясно свидетельствуют о том, что условие и эволюция этого культурного факта первостепенной важности определяются общими экономическими и общественными предпосылками в истории соответствующего коллектива, но отнюдь не волей отдельных лиц.

О чем же свидетельствует история алфавитов?

Прежде всего, о том, что языковое сознание коллектива далеко не всегда выделяет „парно-различаемые фонемы“ в особые более близкие группы, но трактует их совершенно также, как и другие фонемы, непарные.)

Обратимся прежде всего к наиболее „экономным“ алфавитам — алфавитам семитических языковых коллективов, использовавших для

¹⁾ Ц. с. стр. 63.

²⁾ Бод-де-Курт. ц. с. стр. 85.

³⁾ Яковлев ц. с. стр. 45.

сокращения числа графем морфологическую функцию гласных в соответствующих языках. С точки зрения проф. Н. Ф. Яковлева, языки эти располагают довольно значительным числом парно-различаемых фонем. Так, и древне-арабский и древне-еврейский языки различают 2 ряда согласных т. н. „эмфатических“ и согласных не эмфатических:

$$\begin{array}{l} \text{в древне-арабском} \left\{ \begin{array}{l} t \quad s \quad t^1) \quad d^2) \\ t \quad s \quad t \quad \underline{d} \end{array} \right. \text{ и, может быть, } \begin{array}{l} \text{к} \\ \text{к} \end{array} \\ \\ \text{в древне-еврейском} \left\{ \begin{array}{l} t \quad s \\ t \quad s \end{array} \right. \text{ и, может быть, } \begin{array}{l} \text{к} \\ \text{к} \end{array} \end{array}$$

Однако, и арабский и еврейский алфавиты трактуют эти „парно-различаемые фонемы“ как фонемы совершенно независимые, создавая для них самостоятельные знаки:

Ср.-арабские ك ذ ث س ت
 ق ض ظ ص ط و
 древне-еврейские כ ט ל
 ק צ ט ו

И это, несмотря на высоко аналитический характер названных алфавитов.

Но, быть может, названные системы письма не могли упростить обозначение парных фонем благодаря отсутствию в них знаков для гласных? Обратимся к более совершенным системам письма.

В древне-индийском языке (санскрите) различаются 10 пар согласных фонем по признаку отсутствия или наличия придыхания:

k g c j t d t d p b
 kh gh ch jh th dh th dh ph bh

и 5 пар по признаку какуминальности (отогнутости кончика языка по направлению к переднему небу)

t th d dh n
 ṭ ṭh ḍ ḍh ṇ

Для всех этих фонем система древнеиндийского письма располагает самостоятельными графемами:

¹⁾ Этой паре согласных в более позднюю эпоху соответствует пара $z > \bar{z}$, так как уже в раннем средневековьи $\underline{t} > \bar{z}$ Ср. Brockelmann—Grundriss d. vergl. gramm d. semitischen Sprachen. В. I. S. 129.

²⁾ В более позднюю эпоху это соответствие исчезает, т. к. $\underline{d} > \bar{d}$ латеральное. Ср. Brockelmann, ц. с. стр. 129.

क ग च न ट ड त द ष ब
 ळ घ ङ झ ठ ढ ध ष फ म
 ऩ
 न थ द्र ध न
 ट ठ ड ढ ण

А между тем, древне-индийский алфавит—первый алфавит, построенный по чисто фонетическим принципам,—одно из свидетельств высокого развития лингвистического анализа у индусов ¹⁾

В древне-греческом языке различались 3 пары согласных фонем по признаку придыхательности:

t k p
 th kh ph

которым в системе греческого письма соответствуют самостоятельные графемы:

τ κ π
 θ χ φ

Следует отметить, что графемы „φ“ и „χ“ являются новотворчеством древне-греческой системы письма, специально созданными (по мере усовершенствования графики) „добавочными знаками“. ²⁾

Тот же метод обозначения парно-различаемых фонем самостоятельными графемами мы найдем и в других, возникших на базе греческого, алфавитах. Так, система грузинского письма располагает особыми знаками для пар согласных, различаемых по характеру экспирации—„смычно-гортанных“ в одном ряду и „придыхательных“ в другом.

Фонемам ³⁾ t ṭ p k
 θ θ̣ φ q

соответствуют графемы:

⊖ ṽ ḷ ḷ̣ ḷ̣̣
 Ⓞ ᵊ ḥ ḡ ḷ̣̣̣

Совершенно аналогичные принципы написания проведены в системе древне-армянского письма.

Готский „алфавит Вульфилы“, сложившийся на базе греческого алфавита, вводит особые обозначения для „парно-различаемых“ лабиализованных и нелабиализованных ⁴⁾ фонем германского языка:

¹⁾ Как известно, индийские грамматики явились учителями европейских ученых в области фонетики, развитием которой европейская наука обязана ознакомлению с лингвистическими учениями Индии.

²⁾ Архаическое греческое письмо, еще механически переносящее на свой язык чужие графические навыки (ср. наличие в архаическом греческом двух графем для одной фонемы „S“ и „K“), не знает этих знаков.

³⁾ В яфетидологической транскрипции.

⁴⁾ Другую оценку этих фонем дают Braune и Streitberg.

фонемы h k и соответствующие графемы h k
h q e ч

И так далее и так далее.

Приведенные примеры, как будто, позволяют утверждать, что поскольку речь идет о самостоятельных фонемах—языковое сознание членов соответствующего языкового коллектива не выделяет „парно-различаемых фонем“, в особые категории однотипных, различаемых лишь по одному признаку, парных знаков.

Нетрудно, однако, указать в истории письменности многочисленные случаи создания аналитических обозначений для той или иной группы фонем, объединяемых по известному признаку. Подобные случаи можно отметить и в приводившихся выше системах письма.

Так, система арабского алфавита пополняет заимствованный арамейский алфавит шестью новыми буквами для арабских согласных, не имевшихся в арамейском языке и не получивших там, разумеется обозначения. При этом, построение этих букв носит явно аналитический характер, присоединяя условный дополнительный значок к уже существующему начертанию для близкой по звучанию фонемы. Так, фрикативный межзубный глухой t обозначается путем прибавления точки к начертанию для взрывного глухого зубного t (ث и ت), фрикативный межзубный звонкий d—путем прибавления точки к начертанию для соответствующего взрывного звонкого d (ذ и د); тот же прием проведен и при образовании начертания для эмфатического глухого фрикативного t (ظ и ط).

Нельзя, однако, не отметить, что аналитический характер арабских букв не вполне последователен—один и тот же дополнительный знак имеет ряд значений—ср. такие соотношения, как ذ и د, ث и ت, ظ и ط с одной стороны и ض и ص, خ и ح, غ и ع с другой. Больше того, тот же отличительный знак применяется для различения начертаний, обозначающих совершенно несхожие фонемы, и лишь случайно сблизившихся в процессе развития арабского письма,—ср. ح и ح, ق и ف, ب и ت. Эта непоследовательность обозначения, так затрудняющая усвоение арабского алфавита, очевидно, объясняется именно тем, что дело идет о приспособлении чужого алфавита к арабскому языку, и что внимание при переработке алфавита сосредоточилось на анализе тех фонем, для которых случайно не оказывалось знака в старом алфавите.

Более последовательно проводит анализ фонем древне-еврейский алфавит, когда он производит сокращение знаков, вводя различение парных фонем:

b	p	d	t	g	k
bh	ph	dh	th	gh	kh

посредством однотипного дополнительного значка (точки) в соответствующих графемах: ב и ב, פ и פ и т. д.

Исторически эти аналитические обозначения древне-еврейской графики отражают другой момент в развитии письменности, чем аналитические начертания арабского алфавита. А именно: они созданы для различения коррелятивных фонем—фонем, чередование которых морфологизовано (грамматически осмыслено) и которое восходит к чередованию вариантов одной фонемы, возникавших в определенных фонетических условиях. Бóльшая последовательность обозначения обуславливается тем, что морфологизованная корреляция позволяла подвергнуть анализу всю категорию соответственных однотипных фонем.

Таковы, как кажется, два основных фактора возникновения аналитических начертаний: усвоение чуждой системы графики, способствующее анализу системы фонем родного языка с точки зрения (недостаточной) системы графем чужого языка; и развитие в языке самостоятельных фонем из старых вариантов фонем, требующее уточнения прежнего единого начертания.

При этом, предметом анализа могут стать самые разнообразные признаки фонем. Так, система арабского письма, создавая дополнительные графемы для фонем персидского языка, строит свои аналитические начертания на „парно-различаемости“ глухих и звонких согласных—ср. начертания پ при پ , چ при چ , گ при گ . На том же признаке строит свои аналитические начертания система слогового японского письма, обозначая звонкость начального согласного слога посредством дополнительного знака (т. наз. знак „*nigoi*“) при начертании слогового знака с соответствующим глухим.

Аналитические начертания гласных в системе древне-индийского письма основаны на различии долготы и краткости, а также на их корреляции в словообразовании.

Аналитические начертания гласных в системе немецкого письма основаны на различии по месту образования—ср. u — \ddot{u} , o — \ddot{o} , тогда как отношение a — \ddot{a} имеет теперь только историческое значение. Ср. далее, аналитические начертания шипящих в системе арабского письма (ش при س , ژ при ز), в системе чешского письма (š при š , ž при ž), и так далее и так далее.

Так же разнообразны и приемы создания аналитических начертаний: частичное изменение или дополнение графемы (напр. ك при ك), создание дополнительного аналитического знака и более или менее последовательное его применение (ср. пунктуацию в арабском и древне-еврейском шрифтах, знак умлаута в немецком письме), использование в значении аналитического знака отдельной буквы (напр. „ь“ и „Ъ“ в русском письме) и, наконец, разнообразные условные написания, которыми так богаты исторические офрографии современных европейских языков, и которые, по меткому выражению знаменитого филолога М. Мюллера, грозят порой стать национальным бедствием. К числу таких условных написаний принадлежит и метод обозначения „мягких“ согласных в системе русского письма.

Действительно: присущий ей „по существу неверный способ передачи звуков“¹⁾, по остроумному замечанию Бодуэна-де-Куртенэ, „объясняется тем, что это письмо является, так сказать, платьем с чужого плеча, потребовавшим переделок, починок и заплаток. Первообраз же русского письма—древне-церковно-славянское слагалось оригинально и применялось к связанному с ним языку вполне самостоятельно и последовательно.“²⁾

Древне-церковно-славянское правописание было фонетическим, и в интересующем нас отношении оно не знало формулы „сокращения“ алфавита, располагая системой выражений для парных мягких и твердых согласных, связанных с обозначением согласных, а не гласных. Таковы обозначения „мягкости“ согласных посредством аналитических символов \sim или \vdash ³⁾;

ЗЕМЛѦ ЗЕМЛѦ ЗЕМЛѦ //

Русское письмо утратило этот последовательный метод обозначения „мягких“ согласных. Правда, оно располагает аналитическим дополнительным знаком для обозначения „мягкости“—буквой „ь“, утратившей свое старое звуковое значение—но не проводит его применения последовательно, ограничивая его только концом слога.⁴⁾

В начале слога перед гласной „мягкость“ согласной не выражается особым знаком, но определяется выбором графемы для последующей гласной. Почему возможен этот способ начертания?

С одной стороны, некоторые из применяемых в этом случае графем („ю“, в известном смысле „я“) восходят к старым аналитическим начертаниям, сохраняя то же значение. С другой, графемы „е“ и „и“⁵⁾ обозначают звуки, перед которыми все согласные (кроме „отвердевших ш, ж, ц) произносятся „мягко“ согласно живому статическому закону русского произношения.⁶⁾ Следовательно, пары „мягких“

¹⁾ Ср. Д. Н. Ушаков. Краткое введение в науку о языке. М. 1917. стр. 32.

²⁾ Бодуэн-Де-Куртенэ. Цит. с. стр. 65.

³⁾ Последний графический знак имел, впрочем, и другое значение.

⁴⁾ Для большей простоты изложения мы не будем касаться непоследовательностей русской графики, оставляющей в некоторых случаях необозначенной вовсе „мягкость“ согласного—ср. „дочка“, „тончайший“.

⁵⁾ Здесь нельзя не указать, что теория Бодуэна-де-Куртенэ об *i mutabile* отвергается большинством исследователей русского языка.

⁶⁾ Ср. акад. А. А. Шахматов. „Очерк современного русского литературного языка“. Л. 1926. Стр. 65:... „В русском языке действует закон о смягчении согласных перед „е“; он так же живуч, как и в общерусском праязыке, когда его можно впервые наблюдать“... и далее, стр. 69:

„236“ Все согласные, кроме отвердевших \check{s} , \check{z} с, произносятся мягко перед гласными переднего ряда *i*, *e*, (ϵ). Ср. произношение иностранных имен: *b'ismark*, *t'iroi*, *t'ema*, *kaf'sdra*, *gr'ecia*.

Примечание: Произношение *tema*, *profesaz*, *svedy*, представляется искусственным*.

(Глава VII. Действующие в настоящее время в современном литературном языке звуковые законы).

и „твердых“ согласных в русском языке являются не только самостоятельными фонемами, но и вариантами фонем, появление которых обусловлено статическими законами языка. А так как варианты фонем обычно ¹⁾ не получают самостоятельного выражения в письме, то этот-то принцип экономии и был, очевидно, перенесен на графику начала слога вообще.

Наконец, усвоение учащимся правильного чтения этих условных начертаний облегчается, конечно, тем, что соответствующие категории фонем в русском языке являются морфологизованными коррелянтами, постоянно чередующимися в формах словообразования и словоизменения, — ср. милый—миленький, малый—малюсенький, цеток—цетик, гора—горе, стол—столе и т. д.

Нетрудно убедиться, что способ русского письма, исторически обусловленный и лишь исторически оправдываемый, является не только непоследовательным, но и не экономным.

Действительно: раз в систему письма введен аналитический знак для обозначения известного признака определенной категории фонем, то последовательное проведение этого начертания сделало бы совершенно лишними двойные графемы для гласных (а—я, у—ю); достаточно было бы провести аналитическое (двубуквенное) начертание в положении перед гласной, и мы получили бы сокращение алфавита по схеме

$$A = C + Г - C' + 1$$

где C' обозначает число парно-различаемых фонем, заменяемых соответствующими аналитическими начертаниями посредством одного дополнительного знака.

Приблизительно так и поступают некоторые системы письма славянских языков—ср. сербское ²⁾ „к^онь—к^оньа—к^оньу“ и польское ³⁾ „kopia“, „kopioir“—и языков восточных финнов—ср. марийское „ньа, ньу“ и коми „ня, ну“.

Правда, можно найти серьезные возражения против системы аналитических начертаний—не потому, разумеется, что введение одной лишней буквы, „повлечет за собою наибольшую трату пространства и времени, а, следовательно, и бумаги и типографских расходов ⁴⁾, а потому, что всякий анализ фонемы на отдельные ее элементы сопряжен с известными трудностями для усвоения грамоты. Но

¹⁾ Ср. напр. отсутствие обозначений для вариантов (среднего и переднего ряда) гласных заднего ряда в системе русской графики.

²⁾ Знак „нь“ легко разлагается при сопоставлении с „н“ на последний + аналитический значок „ь“.

³⁾ Основное неудобство польской графики состоит не в двубуквенности этих начертаний, а в непоследовательном обозначении „мягкости“ согласных (в конце слова—посредством другого значка, чем в сочетании с гласной—ср. kop. но kopia) и в двойном значении графемы „i“ (обозначающей и гласную фонему „i“ и мягкость согласной).

⁴⁾ Проф. Яковлев ц. с. стр. 52.

те же возражения затронут, естественно, и аналитические приемы русской графики (написание „ь“).

Из всего вышесказанного, как кажется, совершенно ясно, что формула сокращения алфавита, представленная в исторически сложившейся системе русского письма, отнюдь не может претендовать на общее значение.

Более того: перенос различия парных согласных на гласные возможен вообще лишь там, где (как и в системе русского языка) налицо чередование вариантов фонем, связанное с чередованием гласных, т. е. только там он будет иметь известную опору в языковом сознании говорящих.

Там же, где т. наз. „парно-различаемые фонемы“ носят характер не вариантов, а самостоятельных фонем (как, напр. „надгортанные“ и „подгортанные“ в фонетических системах яфетических языков), чередование которых не определяется характером следующей гласной, перенос их различия на графемы гласных будет ничем не оправдываемой условностью, усвоение которой будет, очевидно сопряжено с теми же трудностями, с какими для русского школьника было связано усвоение написаний „Ѣ“ и „е“ или „і“ и „и“.

Так, в проектируемой проф. Н. Ф. Яковлевым графической системе кабардинского языка различие одного и того же надгортанного от соответствующего подгортанного получает три различных обозначения:

1) в исходе слога (в положении, соответствующем в русском написаниям с „ь“) — путем дополнительного аналитического знака надгортанности („у“) к графеме для соответствующего подгортанного „ty“

2) в положении перед гласной со слабым приступом — путем замены графемы для гласной со слабым приступом графемой для гласной с крепким приступом:

„tE“ вместо „ty“ + „e“

3) в положении перед гласной с крепким приступом — путем дополнительного аналитического знака („у“), служащего в данном положении „знаком раздельного произношения“:

„tyE“

Вряд ли стоит останавливаться на трудностях усвоения подобной системы графики.

Но и там, где система языка (как в языках угро-финских) позволяет перенести на него графические навыки русского письма, возникает новый вопрос — о целесообразности подобного сокращения алфавита, о экономичности его не с точки зрения наборщика, в кассе которого выпадает несколько гнезд, но с точки зрения педагога, которому желательно сократить затрату умственной энергии учащимся. Ибо — как справедливо указывает Бодуэн-де-Куртенэ в своей уже неоднократно цитированной книге — сдвиг графических представлений, свойственный системе русского письма, требует совершенно особых приемов выде-

ления (путем применения транскрипции) морфологических элементов русского языка, т. е. осложняет обучение грамоте и грамматике. Впрочем, вопрос о морфологической делимости слова в различных системах письма я предполагаю рассмотреть особо.

Таким образом, нельзя не предостеречь от попыток переносить навыки русского графического мышления на вновь создаваемые национальные алфавиты, примером которых может служить попытка проф. Н. Ф. Яковлева превратить историческую формулу русской системы письма в общую „математическую формулу построения алфавитов“.

не
сфавитов
инво